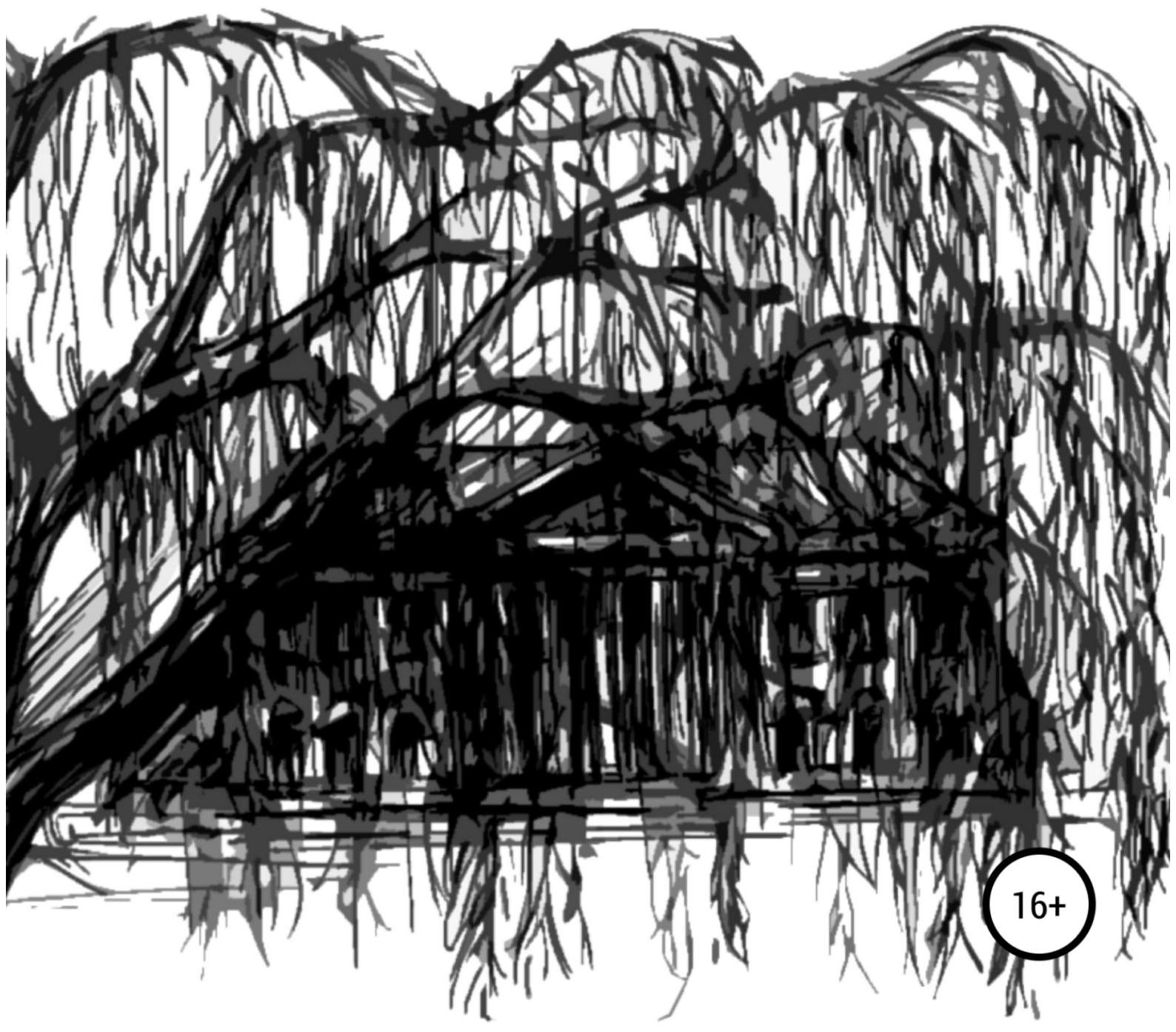

ПАВЕЛ ДЕВЯШИН

ПЛАКУЧАЯ ИВА

ИСТОРИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

16+

Павел Девяшин

Плакучая ива

«ЛитРес: Самиздат»

2021

Девяшин П. Н.

Плакучая ива / П. Н. Девяшин — «ЛитРес: Самиздат», 2021

ISBN 978-5-532-95059-7

1865 год. В провинциальной зауральской губернии в собственной усадьбе обнаружено тело купца. Какова подоплека загадочной гибели? Несчастный случай? Происки конкурентов? Ограбление? Кто или что нарушило привычный уклад тихого и мирного уголка? Ответ предстоит найти помощнику исправника по фамилии Вебер, терзаемому тенями прошлого. Ведь несчастье произошло в печально известном имении, с которым полицейского связывает личная трагедия. За дело также берется некогда знаменитый сыщик. Смогут ли неутомимый железный человек и пораженный артритом старик отыскать злодея, не оставляющего ни следов, ни улики?

ISBN 978-5-532-95059-7

© Девяшин П. Н., 2021
© ЛитРес: Самиздат, 2021

Содержание

Глава первая, в которой появляется Железный человек	5
Глава вторая, в которой выясняются некоторые подробности преступления	10
Глава третья, в которой много говорят о покойнике и удостоверяется польза каминных принадлежностей	13
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Павел Девяшин

Плакучая ива

Глава первая, в которой появляется Железный человек

Стояла унылая погода. Обычный деревенский пейзаж. Полуголые деревья, серые нахолодившиеся домишки и раскисшие дороги съезжились под ливневыми струями. Все казалось недоверчивым, мутным, холодным. Уныние явственно различалось и на лицах редких прохожих. Таких же скрюченных и невзрачных. Даже пестрые краски октябрьского леса да уютный дымок, вьющийся из печных труб, не нарушали общей картины тоски и слякоти. Покосившиеся заборы, прорехи в крышах, забитые ставни против воли напоминали взгляду погост. Ленивое ворчание собак, не казавших носа из будок, усугубляло и без того неприятное впечатление.

Не огибая луж и забрызгивая грязью седока, по тракту тащился игреневый космач с лоснящейся от дождя гривой. Конек равнодушно чавкал копытами по проселочной хляби, изредка внимая речам молодого хозяина:

– Потерпи еще немного, старина, скоро мы окажемся в тепле. Слово Железного человека!

Само собой, наездник был самым что ни на есть обычным. Из плоти и крови. Из железного только несгибаемая воля. От нее-то и прилепилось прозвище.

Состоял у Георгия Константиновича в подчинении, городской, переведенный в Курган из Тобольска. Ничем не примечательный. Так, рядовой служака, каких обыватели величают держимордами. За бездумную исполнительность и полнейшую безынициативность. Единственно, что полицейский слыл острословом и нарек начальника громким и звучным именем. В первую очередь, из-за невероятной работоспособности и твердости характера. Георгий Вебер не любил откладывать дела на потом. Старался довершить любую работу (даже самую сложную), невзирая на усталость. А еще из-за чрезвычайной выносливости организма. Он не был богатырем, не отличался высоким ростом, однако бесстрашно встречал бандитские кулаки, ножи и даже пули. Многократно попадал в передряги, чувствовал дыхание смерти, но всякий раз брал над ней верх. Отлеживался, поднимался и приступал к служебным обязанностям.

Вот и теперь, едва спровадив на каторгу целую ватагу гайменников, промышленявших разбоем и удушением гостей на постоялом дворе, начал новое расследование. Возможно, самое сложное.

Трудность не обуславливалась дьявольской запутанностью преступления – Вебер и подробностей-то не знал. Нет, тут примешивалось личное. А когда личное – всегда не просто...

Сердце Георгия Константиновича выпрыгнуло из груди, как только становой доложил об убийстве в имении Арсентьевых. Застучало в висках, перед глазами поплыли темные пятна!

Все оттого, что помощник уездного исправника уже вернулся с задержания банды сам не свой, с всклокоченной душой и трясущимися руками. В деревне душителей – так именовали злополучное селение в полицейских кругах – чиновник повстречал тень из прошлой жизни. Даже две тени.

Затворившись в кабинете, он выплеснул из стакана остатки чая, налил коньяку. Сидел, подперев подбородок кулаком, думал о прошлом. Тут и явился гонец из старого княжеского поместья, где ныне живет с семейством купец первой гильдии по фамилии Гнатъев. Естественно, посыльный принес дурные вести – в конюшне обнаружен труп. И, конечно, не смог ответить ни на один уточняющий вопрос. Кому принадлежит тело новопреставленного? Кто его нашел? В общем, ни слова по существу.

Георгий Константинович приказал становому приставу собирать команду и отправляться прямо на место, дежурному велел отвечать, мол, помощник исправника отбыли по важному делу. Вебер понаблюдал за сборами отряда, удовлетворенно покивал, отмечая умелые действия заместителя, и незаметно покинул управление через черный ход.

Четверть часа спустя одинокий всадник, кутавшийся в казенный плащ, месил грязь на окраине города. Недавно здесь выросли новомодные кирпичные коттеджи. Идею возведения приличной недвижимости и передачу ее в аренду состоятельным господам, желающим отдохнуть от городской суеты, реализовал местный помещик, много лет проживший в Лондоне. Карьера респектабельного рантье могла бы пойти в гору в Петербурге или Москве, но только не здесь – не в самом глухом углу Тобольской губернии. Богатеньких охотников провести лето на даче не сыскалось. Капиталы мечтателя лопнули, точно мыльный пузырь.

Надо ли говорить, что все «пряничные домики» дружно пустовали. Кроме одного. К нему-то и направил коня промокший до нитки Вебер.

На контрасте с прочими постройками коттедж смотрелся, точно миниатюрный дворец, перенесшийся в лесную чащу напрямик из старушки Англии. Оставив скакуна у коновязи, Георгий Константинович укрылся под черепичным козырьком крыльца и постучал в дверь. Ни звука.

Неужели хозяина нет? Куда он мог подеваться? Снова играет с уездным лекарем в преферанс? Вот было бы некстати! А может, не слышит? Все-таки человек в возрасте...

Исправник вновь забарабанил в дверь. Громче и настойчивей. Издав легкий обиженный скрип, створка слегка подалась. Не заперто!

Невзирая на испятнанные коричневой жижей наряд и сапоги (хотя известно, как житель сказочного замка обожает чистоту), Вебер вошел внутрь, совершив бесцеремонное вторжение. Он, разумеется, предполагал, чем сей фортель обернется лично для него, но не стал об этом тревожиться. Излишняя церемонность – паршивое качество для полицейского чиновника.

Почти двадцать лет Георгий Константинович прожил в Саратове. Катался сыром в масле, не зная бед и не считая денег. Всех забот – помогать матери в управлении мебельно-суконной мануфактурой. Да сопровождать ее в церковь по воскресеньям.

Общественное положение юноши считалось весьма высоким, многие ему завидовали. Однако маленький Егорий ежечасно помнил *о своем истинном происхождении*. Не забыл, как его, шестилетнего деревенского весельчака, оставили сиротой. Как добрая женщина – Ольга Каземировна Листвицкая – дала бедному мальчику кров, защиту, семью. Заменяла мать. Живи и радуйся, что еще нужно?! Но зов души оказался сильнее...

В 1860 году молодой мужчина испросил благословения приемной родительницы и укатил сюда, в Курган. Поступил на службу в полицию и с головокружительной быстротой поднялся до помощника уездного исправника – заместителя начальника городской и уездной стражи. Конечно, не обошлось без покровительства прежнего руководителя, проникшегося к Веберу уважением и дружеской симпатией. Что очень удивило местных служак, привыкших полагать, будто старик – закоренелый ворчун и вообще фигура с прибабахом. Странноватый чиновник давно маялся в высоком кресле, страстно мечтал уйти на пенсию и скоротать остаток века в тишине и покое. Потому с удовольствием взялся натаскивать подопечного, приучать его к суровой мужской работе.

Так мягкий Егорий превратился в Железного человека.

Вне всяких сомнений, жить вдали от матери очень тяжело. Временами накатывал страх, что через десяток лет останешься на белом свете один-одинешенек. А порой и стыд, дескать, бросил пожилую женщину на произвол судьбы. Лишил опоры. Впрочем, находились и утешительные мысли. В отличие от других испорченных отпрысков состоятельных семей, Вебер умел самостоятельно зарабатывать на жизнь. Прежний начальник мало того что без утайки поделился секретами сыскного мастерства, так еще и выхлопотал для младшего друга в губернской

столице чин и звание, добился утверждения от Министерства внутренних дел. Не забыл побеспокоиться о подъемных, дровах и свечах. Теперь у Георгия Константиновича появились кое-какие накопления (много ли потратишь, живя на периферии?). А со временем средств станет еще больше!

И можно будет наконец посвататься к Катеньке Мироновой – дочке городского галантереищика. Вот она истинная причина задержки в далеком уральском уезде! Грядущее расследование обещает стать заключительным, после счастливым молодым откроется дорога в Москву. Пряча теплую улыбку, Железный человек не без труда сосредоточился на предстоящем деле.

Коттедж «Геркулес» был неправдоподобно вылизан. Такая стерильность свойственна одиноким матронам в преклонном возрасте, у которых из развлечений только уборка да созерцание герани на подоконнике.

Визитер оставил у входа обувь с налипшими комками, мокрую накидку повесил тут же, на вешалке. Стараясь ничего не трогать, исправник заглянул на кухню, кажется, оттуда тянуло сквозняком. Посередине расположился круглый стол, аккуратно застеленный кружевной салфеткой. На стене ровными линиями сияли ножи, половники, щипцы и прочие инструменты поварского обихода. В глаза бросилось, что каждый предмет занимает строго отведенное место и расположен с соблюдением системы по размеру – от меньшего к большему. Из старомодной вазы веяло едва уловимым ароматом яблок, за хрустальными узорами угадывались кругловатые очертания. Над столешницей, мелодично звеня стальными крюками, покачивались разномастные сковородки. Интерьер, представший внимательному взору Георгия Константиновича, по виду отличался решительно от всех, что полицейскому когда-либо приходилось видеть. Нетронутый сажей и копотью дымоход, белоснежные шторы, удивительно прозрачные окна. Глянешь и никогда не подумаешь, что помещение обитаемо. Ни запаха табака, ни оставленного стакана, ни разбросанных вещей. Отсутствовал и хозяин.

– Эй, есть кто дома? – спросил господин из стали. – Встречайте гостей, ваше высокоблагородие!

Здесь все как всегда! Неприглашенным посетителям вряд ли следует рассчитывать на радушный прием. Вебер насмешливо ухмыльнулся.

Зародилось тревожное чувство: вдруг с наставником что-то случилось? Здоровья с годами больше не становится!..

Движения начальника уездной полиции ускорились, пальцы толкнули приоткрытую дверцу, ведущую из кухни в сад. Конечно, только сумасшедшему может прийти в голову выйти на улицу в такую погоду, но проверить предположение все же стоит... Не дай Бог, бедняга поскользнулся, распростерся на сырой земле да так и не сумел подняться!

«Бедняга» обнаружился в первый же миг. Стоял на коленях прямо в центре залитого ливнем палисадника, молитвенно сложив руки перед собой. Посиневшие губы дедушки упрямо шевелились, выводя Величание Покрову Пресвятой Богородицы. Ветер невозбранно трепал остатки седой шевелюры. Со стороны арендатор особняка походил на огородное пугало, исклеванное воронами, забывшими, что им вообще-то полагается его бояться. Однако лицо старика являло образец одухотворения и строгости.

Железный человек бросил на учителя уважительный взгляд, философски пожал плечами и вернулся в дом. Развел огонь, поставил чайник. Время есть. Раньше, чем закончится духовное правило, тот все равно не вернется.

На пороге послышались шаркающие шаги, когда начало темнеть. Покосившись на нарушителя спокойствия, житель игрушечного особняка спросил:

- Вебер, вас что, не учили не навязывать своего общества пожилым людям?
- Добрый вечер, Антон Никодимович! Рад видеть вас в добром здравии...

Бывший сыщик произносил слова слегка прищамкивая и с долгими паузами, сказывалось отсутствие зубов и тучное телосложение, вызывающее одышку.

– Весьма сомнительное утверждение, молодой человек. Фух... Впрочем, доживите до моих лет, посмотрим, в какую руину превратитесь. Хе-хе-с.

Господина, некогда наводившего ужас на преступный мир Тобольской губернии, звали Поликарпов Антон Никодимович. Он был общепризнанным докой по части криминалистики. Его трижды приглашали переселиться в Петербург и всякий раз получали полный достоинства отказ. Мол, где поселился, там и пригодился.

– Я гляжу, чайком вы уже побаловались! Однако не откажите в любезности, поухаживайте за стариком. Налейте и мне горяченького. Итак, милостивый государь, что привело вас в столь поздний час в берлогу старого медведя?

Чиновник Министерства внутренних дел подошел к самовару и, пытаясь сдержать улыбку (в поздний час, ну-ну!), ответил нарочито непринужденным тоном:

– Сущий пустяк, господин Поликарпов! Захотелось поведать друга. Вот и все.

Очи Антона Никодимовича лукаво блеснули.

– Тысяча благодарностей, дорогой Георгий Константинович! У меня нет слов, чтобы выразить вам признательность. Сколько месяцев я провел в добровольном изгнании, возделывая огородик и молясь Богу, чтобы дал мне собеседника. Сегодня он вдруг услышал меня и ниспослал вас! А ваш покорный слуга вместе того, чтобы сказать спасибо, разворчался, будто старый дед! Право, мне стыдно. Я в вашей власти.

Попавшись на удочку опытного интригана, полицейский тяжело вздохнул. Не следовало разводить церемонии, теперь от пустых разговоров не отвязаться! А драгоценные минуты уходят...

Станный маленький человечек, казалось, читал его мысли:

– Как поживает ваша почтенная матушка?

– С мольбами в каждом письме зовет меня обратно, в Саратов. Она положительно сбита с толку пореформенным переделом угодий, выкупными контрактами. Всей этой проклятой эмансипацией и прочей чепухой... Новыми веяниями, так сказать!

Поликарпов понимающе кивнул, шевельнул длиннющими усами и истово перекрестился. Вебер предпринял отчаянную попытку перевести беседу в практическое русло:

– Ей просто нужно заняться делом! Реформы реформами, но мануфактура никуда не делась. И люди, готовые трудиться на ней, тоже.

Маленький толстячок принялся поправлять столовые приборы, придавая им идеально симметричный вид. Проговорил, не отрываясь от малопонятного занятия:

– Да-с! Сие – сила привычки. Всяк трудится, дабы решить определенные жизненные задачи. А когда они выполнены, вдруг понимает, как не хватает рутины. Особенно, если у человека была нескудная работа. К ней всегда хочется вернуться...

– В самом деле? – обрадовался помощник исправника. – Тогда позвольте быть откровенным...

– Вы – мой единственный друг, – перебил Антон Никодимович, губы его раздвинулись в улыбке, глаза подернулись влажной пеленой. – Друг, не покидающий меня пять долгих лет. Неужели вы и впрямь решили, что я не вижу всей подоплеки?! Бросьте, не проявляйте слабумия. И без того понятно, что вы явились за помощью. Очевидно, что совершено преступление, и вы не знаете, с чего начать?... Да-с. Порой мне не хватает вашей наивности, *mon ami*¹. Не передать как!

– Так вы поедете со мной? – в голосе Железного человека прозвучала робкая надежда.

– Нет. И не просите... С меня хватит! Вдобавок, вы знаете все, что необходимо для успешного разрешения дела. Все мои знания и опыт переданы без остатка. Мне нечему вас учить. Поверьте, для Железного человека не существует непреодолимых преград!

¹ Мой друг (фр.)

Вебер отвел взгляд, сделав вид, что заинтересовался подставкой и нахлобученным на нее париком времен Екатерины Великой.

Вскоре полицейский откланялся и вышел на крыльцо. Накинув на плечи плащ, он уселся прямо на ступенях.

В небе зажглась первая звезда. Откладывать больше нельзя. Теперь хочешь не хочешь, а нужно ехать в проклятую усадьбу и встретиться с призраками минувших лет. Наставник, конечно, прав: путешествие в прошлое полагается совершать в одиночку.

Скрипнула дверь. Бросив на мокрые доски плед, Поликарпов опустился рядом.

Сыщик раскурил трубку, вздохнул и совершенно иначе взглянул на бывшего ученика. Во взгляде читалось сочувствие.

– Вам предстоит отправиться *туда*, верно? – спросил он после непродолжительной паузы.

Молодой мужчина коротко кивнул, на скулах его заиграли желваки.

– Это меняет дело, – пробормотал Антон Никодимович. – Вы можете всецело на меня рассчитывать...

Начальник полицейской уездной части уставился на своего предшественника с открытым ртом и вдруг зашелся в приступе энтузиазма. Затараторил, боясь, что друг передумает:

– Выдвигаемся! Немедленно! Прямо сейчас!

– Что вы блажите? – поморщился умудренный сединами следователь. – В конце концов, не гончую на след накликаете! Вот поужинаем и тихонечко поедем...

Глава вторая, в которой выясняются некоторые подробности преступления

Становой пристав встретил их на подступах к бывшему имению князей Арсеньевых и сопроводил в конюшню. На нем был полностью застегнутый, как положено при исполнении, мундир темно-зеленого сукна, перетянутый португеей с револьвером и шашкой, – ни дать ни взять олицетворение правопорядка. До недавнего времени помощник Вебера служил в армии, был списан по ранению, однако сохранил привычку к муштре.

– Пожалуйте-с, ваши высокоблагородия! – отчеканил полицейский, освещая огромные ворота факелом. Он, как видно, привык к появлениям начальника в обществе Антона Никодимовича. Во всяком случае, удивленным не казался.

Бричка Поликарпова (старик наотрез отказался ехать верхом) закатилась в распахнутые створки и остановилась, покачивая сломанной рессорой. В конюшне купца Гнатьева царила особая атмосфера уважения и даже любви к животным. Страстный лошадиник не единожды похвалялся, дескать, в усадьбе созданы первостатейные условия, а потому его питомцы стоят каждого потраченного на них рубля.

В помещении присутствовал и сам любитель благородных скакунов. Он распростерся на полу в огромной луже крови. Вот и открылось инкогнито покойника.

Георгий Константинович спрыгнул с подножки и велел подчиненному коротко доложить обстановку. Поликарпов, не сумевший самостоятельно выбраться из коляски, оперся на руку услужливого городского и с укоризной покачал головой. Ну, почему молодым и здоровым так трудно помнить о немочах стариков?!

Пристав приложил руку к козырьку, басовито отчеканил:

– Господин исправник, установлено, что тело принадлежит купцу первой гильдии Гнатьеву Николаю Спиридоновичу. Мои ребята ничего не трогали, согласно предписанию-с. Домочадцам велено не отлучаться, пока не допросят. В полном соответствии с полученным предписанием! Да только все это лишнее, картина-то ясная-с...

– Далось Вам это предписание! – поморщился Вебер. – А выводы извольте держать при себе.

Поликарпов вывел насмешливую руладу: «Тра-та-ти та-та!» Мол, разве учил я Вас игнорировать мнение младших по званию?

Помощник исправника вздохнул и жестом велел становому продолжать.

– Говорю, все и так понятно, Ваше высокоблагородие. Крестьяне рассказывают, дескать, есть у новопреставленного племянник, прихотливый отстреливать грачей. Прямо из особняка. Мол, там подле каждого окошка нарочно для ентото дела ружьишко приспособлено-с! Думаю, утром барин пришли лошадку закладывать, мальчишка аккурат пальнул и... Короче, испугалась зверушка и лягнула хозяина прямо в темечко. Вон и копыто в крови-с!

– Они это сами видели? Собственными глазами? – ухмыльнулся Георгий Константинович.

– Мужики-то? Никак нет-с, ваше высокоблагородие! Однако...

– Без «однако». Взгляните на свой сапог, он тоже испачкан. Мне что теперь, и Вас подозревать?

– Виноват-с!..

Раздались сдержанные смешки. Полицейские дружно уставились на собственную обувь. Судя по выражению лиц, каждый из присутствующих годился в «подозреваемые». Разумеется, кроме Поликарпова. Тот, казалось, приложил все усилия, дабы сохранить лакированные туфли с гамашами в девственной чистоте.

Погладив купеческого фаворита по роскошной гриве, Антон Никодимович невпопад спросил:

– Давно у Гнатьева сей красавец?

Вебер с пониманием кивнул и, переведя взгляд на подчиненного, едва заметно приподнял бровь. Мол, хороший вопрос, мне тоже любопытно.

– Не могу знать, Ваше высокоблагородие! – отрапортовал становой пристав.

– Отыщите конюха, батюшка. Не сочтите за труд.

– Слушаюсь!

По слухам, кони знаменитого курганского купца не жаловали чужаков и никого к себе не подпускали, норовя лягнуть или укусить. Якобы, приближаться к ним смел только хозяин или стремянной, да и тот лишь по делу. Удивительно, но сейчас своенравный зверь (единственный из всех оседланный и не запертый в загоне) не проявлял в отношении престарелого сыщика ни малейшей агрессии. Стоял себе, наклонив голову и кося на нового друга лиловым глазом.

В городе про конное хозяйство Николая Спиридоновича рассказывали удивительные вещи. К примеру, всякий жеребенок, поселившийся в гнатьевской конюшне, воспитывался в строгости и недоверии к посторонним людям. Оттого лошадки вырастали жестокими. Впрочем, доброму скакуну сие не зазорно, он ценен иными качествами. На сторону купеческие любимцы, ясное дело, не продавались.

Гнатьев кормил, поил и даже чистил питомцев сам. Пусть и не всегда. Сказывали, жил при усадьбе старый конюший, которого Николай Спиридонович очень ценил и хвалил. Однако в прошлом году застудил почки, расхворался и отошел к Господу, оставив вместо себя сына. Хозяин ожидал от молодого работника такого же рвения, но яблочко далеко откатилось от яблони. Если парень и трудился, то исключительно по принуждению. Кнутом ли, пряником ли – Бог весть!..

Нерадивый работник вбежал в хлев, старательно подгоняемый приставом. Запыхался так, что целую минуту не способен был вымолвить и слова. Боязливо смотрел на труп, разева рот, точно рыба, вытащенная из реки. Сходство усугублял мокрый от дождя дорожный плащ да струйки воды, стекавшие с пришибленной шапки.

Становой вновь бросил ладонь к козырьку, но не успел приступить к докладу. Вебер заговорил первым, обращаясь к конюшему:

– Вижу, мы вовремя Вас отыскали. Еще минута-другая, и разминувшись бы! Куда это Вы собрались, любезный?

– Я-то?.. – смотритель за лошадьми шумно сглотнул. Огромный кадык дернулся вверх-вниз.

– Вы-то! Кто ж еще?!

– Я ничего-с, я здесь! А плащик – это не сейчас, с утра-с... Даша... эээ... Дарья Викентьевна послали возвернуть их степенству тросточку-с! Гостил в усадьбе купец Ватрушин, приятель ихний-с. Оне палку свою в мезонине забыли-с... Так и отбыли в Курган, с пустыми руками и в сильном раздражении-с. Я, стало быть, сюда, в конюшню (думал, оседлаю Орлика, догоню). Гляжу – батюшки! Страсть-то какая, аж в жар кинуло... Перетрусил. Вдруг на меня подумают, а я... Ой, мамочки... – молодой человек запоздало стянул головной убор, зашелся кашлем. – Господин исправник, Христом-Богом клянусь – не я хозяина извел!.. Мы с ним всяко жили. И добром, и злом... Но чтобы так... Не было на то моего желания!

Слуга оборвал скороговорку и остолбенел. Испугался, что наговорил лишнего.

Пропустив оправдательные бормотания мимо ушей (понятно, что у бывшего крепостного всегда найдется повод затаить на господина обиду), Вебер подозрительно прищурился. Пожалуй, в сказанном промелькнула-таки любопытная деталь.

– Кто это – Дарья Викентьевна? Супруга вашего барина?

Конюх вжал голову в плечи, почуяв неладное. На плечо Железного человека опустилась пухлая рука франтоватого толстячка.

– Господь с Вами, Георгий Константинович, зачем пустое спрашиваете?.. Дарья Викентьевна есть законная жена новопреставленного. Это известно всякому светскому человеку. А Вы не беспокойтесь, милейший, никто Вас ни в чем не обвиняет!

– Пока, – нахмурившись, процедил помощник исправника, недовольный, что учитель столь бесцеремонно поучает его при подчиненных.

Работник оторопело помалкивал, не понимая, бояться ему или нет. Поликарпов ободряюще улыбнулся:

– Вы давеча упомянули Орлика. Надо полагать, это и есть сей замечательный жеребец? Сколько ему, милостивый государь? Смею предположить, что перед нами четырехлеток?

«Милостивый государь», к которому так и не вернулся дар речи, молча кивнул.

– Ага, – потер руки седовласый сыщик, – стало быть, не ошибся! Сей Буцефал, конечно, обретается здесь с младых, *pardon*², копыт?

Конюх усердно затряс вихрастой головой, подтверждая догадку странноватого дедушки, к чьему негромкому голосу почтительно прислушивались уездные стражники.

Антон Никодимович горделиво выпятил грудь, расправил усищи:

– Вот видите, железненький Вы мой! Что и требовалось доказать!

Вебер невольно улыбнулся, потешаясь над старомодными манерами наставника.

– Ваша версия только что с треском провалилась, господин становой пристав, – сказал он заместителю. – Коняга не топтал головы купца Гнатьева, поскольку живет в усадьбе четыре года и наверняка привык к шуму выстрелов. Нет, кто-то другой проломил черепную коробку нашему Николаю Спиридоновичу. Ежели мы, конечно, верно определили причину смерти...

Придерживая щегольской цилиндр, Поликарпов опустился перед убитым на корточки, внимательно взглянул туда, где у человека полагалось находиться голове.

– Верно, Ваше высокоблагородие, – проговорил он, глядя прямо в глаза полицейского начальника. – Можете не сомневаться. Имеет место удар тупым и тяжелым предметом.

Георгий Константинович снова нахмурился.

² Извините (фр.)

Глава третья, в которой много говорят о покойнике и удостоверяется польза каминных принадлежностей

Усадьба князя Арсентьева не растеряла былого великолепия, а по части отделки и интерьера превосходила жилища всех окрестных богачей. Однако на взгляд человека, бывавшего здесь в прежние времена, излишество роскоши лишало особняк торжественной строгости, делая его если не вычурным, то, во всяком случае, несколько легкомысленным.

Парадный подъезд освещался коваными фонарями, превращавшими отражения в окнах и лужах в праздничный фейерверк. Следуя европейским архитектурным традициям, здание зеленело декоративным плющом, над первым этажом кокетливо нависали балкончики, а в холле безотлучно торчал настоящий ливрейный швейцар.

Вышагивая по золоченому вестибюлю с канделябрами и сафьяновыми кушетками, Вебер заметно волновался. Ему приходилось бывать во дворцах и попышнее, но усадьба давно умершего помещика вызывала в молодом мужчине неподдельный трепет. И хотя дело было не в дурной репутации «кровавого барина», как называли бывшего владельца, Георгий Константинович невольно ожидал узреть нечто таинственное и жуткое. Однако ничего такого в великолепном доме, конечно же, не сыскалось.

Помощник уездного исправника отыскал глазами учителя, замешкавшегося у тканого гобелена, вздохнул, глядя на его недовольно встопорщенные усы.

– Вы идете, Антон Никодимович?

– Я вижу, хороший вкус здесь более не в цене-с! – поморщился отставной сыщик.

Появившийся невесть откуда управляющий сопроводил господ полицейских до гостиной, и, не произнеся ни единого слова, с надменным видом ретировался. Он даже не попытался скрыть высокомерия, что выходило за рамки приличия, но было свойственно всем без исключения дворецким и камердинерам богатых семейств.

Отворив двустворчатую дверь, Вебер пропустил щеголеватого старика вперед и с любопытством воззрелся на комнату. Приемная зала, выбранная семейством купца Гнатьева для беседы с представителями власти, не отличалась особенным шиком. Георгий Константинович подумал, что это вполне разумно, учитывая назначение помещения, ведь говорить о деле следует, не отвлекаясь на созерцание лишних предметов. Пламя каминных выхватывало из темноты краешек первостатейного ковра и силуэты высоких турецких кресел, расставленных широким полукругом. Три из них занимали родственники новопреставленного, два оставались свободными. Хозяйка застыла в одинаковых позах, скрестив руки на груди и нетерпеливо взирая на замешкавшихся у входа следователей. Мерцающий свет не позволял Железному человеку как следует рассмотреть сидящих, однако и без того было ясно: угловатый парень с торчащими ушами – упомянутый челядью племянник, замершая рядом дама – его мать, сестра покойного, а та, что расположилась чуть поодаль, скорее всего, приходится бедному Николаю Спиридоновичу супругой. Ну, то есть... вдовой.

– Милости просим, ваши высокоблагородия, – произнесла бывшая жена пронзительным фальцетом, больше похожим на комариный писк. Не обманувшись комичностью голоса, Вебер безошибочно почувствовал силу. Если он что-нибудь понимал в людях, осиротевшая фамилия сплотилась вокруг нового лидера.

Затянутая в длинную перчатку ручка указала посетителям на пустые сиденья. Исправники – бывший и нынешний – с вежливым поклоном приняли приглашение. Георгий Константинович уселся на краешке с прямой, как струна, спиной, демонстрируя официальность визита. Поликарпов, наоборот, по-хозяйски развалился и беспокойно заерзал, пытаясь придвинуться как можно ближе к огню.

«Немолода, – отметил Вебер, пристальной взглянув на новую владелицу особняка. – Зрение у женщины, пожалуй, слабовато. Эвон как шурится. Шея длинней, чем полагается по общепринятому канону, фигура тонка, кожа имеет бледный, болезненный оттенок».

Однако вышеперечисленные особенности не делали купчиху слабой. Напротив, наделяли ее на удивление жесткими и непреклонными чертами.

Сиясь вспомнить имя вдовы (вообще-то конюх называл его всего четверть часа назад!), полицейский перевел взгляд на сестру убитого коммерсанта.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.